

Фактор информационного противоборства в политике коллективного Запада

Бартош Александр Александрович,

кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук, эксперт Центра военно-дипломатического анализа и оценок Лиги военных дипломатов.

E-mail: aerointel@mail.ru

Кефели Игорь Фёдорович,

доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

E-mail: geokefeli@mail.ru

В беседе с выдающимися российскими экспертами Игорем Кефели и Александром Бартошем показаны основные тенденции в области информационного противоборства. Выявлены особенности формирования стратегической культуры в странах Североатлантического альянса. Вскрыта специфика развития законодательства Европейского союза в части информационной безопасности. Представлены информационно-аналитические наработки ведущих специалистов в сфере когнитивных технологий и гибридной войны. Проанализированы вызовы и угрозы информационной безопасности нашей страны в контексте современного антироссийского курса ЕС и США.

Цитирование: Бартош А.А., Кефели И.Ф. Фактор информационного противоборства в политике коллективного Запада // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 4 (73). С. 283–302.

Ключевые слова

информационное противоборство

гибридная война

Евросоюз

когнитивная безопасность

НАТО

The Factor of Information Warfare in the Collective West's Current Policy

Bartosh Alexander Alexandrovich,

Candidate of Military Sciences, Docent, Corresponding Member of the Academy of Military Science, Expert at the Center for Military and Diplomatic Analysis and Assessments of the League of Military Diplomats.

E-mail: aerointel@mail.ru

Kefeli Igor Fedorovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Higher Education Employee of the Russian Federation, Director of the Center for Geopolitical Expertise at North-West Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

E-mail: geokefeli@mail.ru

The prominent Russian experts Igor Kefeli and Alexander Bartosh propose a discussion about recent trends in the area of information warfare. Special aspects of shaping the NATO countries' strategic culture are examined here, as well as some peculiarities of European Union's developing legislation in the sphere of information security. A review of recent studies made by leading specialists in the fields of cognitive technologies and hybrid warfare is also presented here. The article provides an analysis of information security challenges and threats to Russia, emanating from the current hostile course pursued by the EU and the USA.

Citation: *Bartosh A.A., Kefeli I.F.* The Factor of Information Warfare in the Collective West's Current Policy // National Strategy Issues. 2022. No. 4 (73). P. 283–302.

Keywords

information warfare

hybrid warfare

European Union

cognitive security

NATO

«Проблемы национальной стратегии»: *На современном этапе мирового развития вызовы и угрозы невоенного характера являются важной частью обеспечения национальной безопасности любого государства. Можно ли в самом общем смысле это характеризовать как гибридную войну? В зарубежном и отечественном экспертных сообществах ведутся дискуссии о перспективах обеспечения когнитивной безопасности населения. Как наладить связь между наукой и прикладной политикой?*

Александр Бартош: Мир вошёл в эру сложных конфликтов, когда комбинированные действия предполагают сочетание традиционной военной мощи с политической, информационной, финансово-экономической и другими составляющими. В рамках подобных конфликтов масштабы управления социальными, государственными и политическими процессами могут быть разными – от отдельного государства или региона и вплоть до глобального охвата.

Наличие ядерного оружия у конкурирующих сторон в известной мере служит сдерживающим фактором от перехода конфликтов, затрагивающих интересы крупных держав, в горячую стадию. На этом фоне всё более востребованными становятся стратегии непрямых действий.

Сказанное предопределяет важнейшую роль государственной политики в обеспечении когнитивной безопасности общества на современном этапе мирового развития, в условиях стремительного внедрения в практику информационного противоборства высоких технологий. В нынешних международных реалиях для Российской Федерации настоятельно необходимо развивать многоуровневую систему асимметричных возможностей как силового, так и несилового противоборства с агрессором.

Представляется, что сегодня проблематика гибридных войн и когнитивной безопасности должна стать важнейшей частью предметной области теории и практики «высшей стратегии» государства, направленной на создание концептуального стратегического управления комплексным применением имеющихся сил, средств и ресурсов в ходе реализации целенаправленных и взаимоувязанных мер военного и невоенного характера в различном их сочетании для решения задач обеспечения национальной безопасности, суверенитета и обороны России.

Игорь Кефели: Да, сегодня ведётся гибридная война в глобальном масштабе. Поскольку мой собеседник Александр Бартош – крупный специалист в этой области, проанализировавший её во многих своих публикациях, я не буду оригинальничать, а выскажу своё согласие со многими его суждениями. Это касается в первую очередь

признания того факта, что гибридность проявляется в использовании принципиально новых технологий (лазерных, информационно-коммуникационных, НБИКС¹) изменения организационного соотношения военных и невоенных способов ведения военных операций в двух новых сферах (доменах) – кибер- и когнитивном пространстве². К невоенным средствам насилия в гибридной войне относятся традиционная и публичная дипломатия, правовые, экономические, идеолого-психологические, информационные, гуманитарные и некоторые другие инструменты воздействия.

Что касается связи между наукой и прикладной политикой, прочной основы для обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности российского общества, то следует, очевидно, в полной мере реализовать положения ряда директивных документов, в частности Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (05.12.2016) и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (02.07.2021). Так, в ст. 57 Стратегии перечислены главные задачи обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, в решение которых, на мой взгляд, в полной мере должны включиться представители политических и социально-гуманитарных наук. Для примера: приблизительно года два назад меня включили в рабочую группу для подготовки по поручению губернатора Санкт-Петербурга Концепции информационной безопасности Санкт-Петербурга. Мне пришлось убедить членов нашей рабочей группы в необходимости включения в проект данного документа раздела, посвящённого информационно-психологической и когнитивной безопасности (в группе я был единственным представителем гуманитарного знания), что и было сделано. А в одной из недавних публикаций советника министра обороны Российской Федерации Андрея Михайловича Ильницкого уже прямо заявлено о необходимости «разработать и ввести в действие Стратегию ментальной устойчивости (безопасности) всего социума и отдельного индивида на платформе традиционных духовно-нравственных ценностей. <...> Важно понимать, что идеологическая и моральная основы политики – первичны»³.

¹ НБИКС (NBICS) – комплекс нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологий, применяемых в информационном противоборстве (*Прим. ред.*).

² В этом контексте обращу внимание лишь на две работы: только что вышедший номер *Digital Disorder: War and Peace in the Cyber Age* (Foreign Affairs. 2022. Vol. 101. No. 1) и книгу: *Du Cluzel F. Cognitive Warfare*. June – November 2020 // *Innovation Hub* – Jan. 2021. 45 p.

³ *Ильницкий А.М.* Стратегия ментальной безопасности России // *Военная мысль*. 2022. № 4. С. 31–32.

Я бы указал ещё на одну немаловажную деталь: ныне вступает в действие новая номенклатура научных специальностей, утверждённая Минобрнауки. Так вот в ней впервые появилась новая группа наук – «Когнитивные науки», которая охватывает подготовку и деятельность специалистов, представляющих физико-математические, биологические, психологические, медицинские, технические, филологические и философские науки. Чем не новое интеллектуальное пространство для создания междисциплинарных научных школ, исследований и, наконец, принятия практических решений?

«Проблемы национальной стратегии»: *Как стратегическая культура европейских стран проявилась в конфликтах последних лет и какое влияние на это имели США? Можно ли говорить о некоей единой стратегической культуре европейцев в свете всплеска идей о стратегической автономии ЕС (Версальская декларация, оборонная стратегия «Стратегический компас» и пр.) или это всё-таки стратегические культуры?*

И. Кефели: Система международных отношений стремительно меняется. Сегодня идут во многом спонтанный процесс распада так называемого коллективного Запада и, напротив, объединение усилий незападных государств, в первую очередь России, Китая, Индии и арабского мира. Коллективный Запад я трактую как собирательный образ ЕС, НАТО и США, центрирующих западную цивилизацию в качестве единого военно-политического субъекта, а в медиапространстве – это мем, задающий образ коллективного врага («они» vs «мы»). С такого, пожалуй, тезиса я начну ответ на первый вопрос, состоящий из двух частей. В период post-Cold War стратегическая культура европейских стран и влияние на неё США выразились в смене циклов теоретических оснований. В этом плане в своё время мой уважаемый собеседник А. Бартош вполне аргументированно указал на необходимость различения трёх циклов (у него – «волн») в теоретическом обосновании стратегической культуры, пришедшихся на 40, 70 и 90-е гг. XX в. (последний из которых продолжается до сей поры). Относительно первого из них я бы добавил к написанному А. Бартошем (когда речь заходит о зарождении американской школы стратегической культуры) прежде всего глубокий анализ национальных характеров антрополога Эдварда Холла⁴. В частности, вызывают несомненный интерес его концепция культурной грамматики, определяющей различия и выработку терпимости к представителям разных культур, и концепция различения высококонтекстуальных и низкоконтекстуальных национальных культур. Кроме того, я счёл

⁴ Hall E.T. Beyond Culture. N.Y.: Anchor Press, 1976. 256 p.

бы вполне уместным включить в число основателей стратегической культуры американского военного психолога Пола Лайнбардджера, опубликовавшего ещё в 1947 г. обстоятельный труд «Психологическая война» (кстати, в 1962 г. русский перевод был выпущен Воениздатом), в котором с лёгкой руки автора было заявлено, что «психологическая война стала признанным видом искусства... Психологическая война, конечно, является оружием, но это оружие, безусловно, самое гуманное». Чем подобная установка не стала одним из столпов стратегической культуры: война – искусство, а уж психологическая война – вершина гуманизма... П. Лайнбардджер особо указывал на необходимость привлечения философов для проведения пропагандистских операций «в условиях современной стратегии». Достаточно вспомнить, как этот перл гуманной войны⁵ воплотился в меморандуме ЦРУ США для Комитета психологической стратегии (13 марта 1953 г.) под названием «План психологического использования смерти Сталина» (и это спустя неделю после 5 марта!), в котором была дана следующая психологическая оценка ситуации в Советском Союзе: «Давно предполагалось, что одна из наиболее обещающих возможностей достижения реального прогресса в направлении наших национальных целей по отношению к системе Советов могла появиться после смерти Сталина»⁶.

Какова в таком случае должна быть сегодняшняя позиция России, столкнувшейся с колоссальным давлением международных партнёров (теперь уже бывших)?

На протяжении последних двух десятилетий всё более определённо проявлялась тенденция формирования коллективного Запада, опирающегося на традиции идеологической экспансии и культурной стратегии, направленные на утверждение в первую очередь национальных интересов США. Поэтому авторы тезисов рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике «Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов» (май 2016 г.) сомневаются в возможности создания единой идеологии объединённого «не-Запада», поскольку незападный мир слишком культурно разнообразен и не склонен к универсалистским идейным конструкциям. Не устраивает и евразийская идея, которая интерпретируется ими то «как нечто, противопоставленное Европе

⁵ Теперь её рассматривают как прокси-войну, т.е. «цивилизованный» подход к конфликту, явно лучший, чем «варварство» ядерного холокоста (Fall 2020 Cognitive Warfare. An Attack on Truth and Thought. Baltimore: Johns Hopkins University, 2020. P. 6).

⁶ План США по использованию смерти Сталина в психологических операциях в различных странах мира // Прорывист. URL: https://prorivists.org/doc_cia1953/ (дата обращения: 01.07.2022).

и Западу, то как естественная составная часть большого евро-азиатского пространства от Лиссабона до Владивостока». Получается, что Россия якобы всё ещё находится в поиске новой идентичности, поскольку без культурно-исторического и ментального самоопределения сформулировать внешние ориентиры невозможно.

Как мне видится, авторы приведённых выше тезисов так и не определились (скорее всего, и не задавались такой целью) с выбором стратегической культуры России, полагая, что она обречена на «свою базовую раздвоенность – европейскую культурную идентичность при преимущественном географическом расположении в Азии. Культурно-историческая ориентация на Европу не должна означать европоцентричную политику... но и разворот в сторону Азии не изменит и не должен менять ментальной принадлежности России к Европе. Поскольку это означало бы потерю идентичности и части импульсов к модернизации». Получается вот так – Россия всячески отбивается от коллективного Запада, но пуповину ментальной принадлежности никак не решается разорвать.

Мне гораздо ближе позиция Бориса Межуева, увязывающего нынешний конфликт России с коллективным Западом с историческими основаниями религиозных и мировоззренческих разногласий. В подтверждение своей позиции он апеллирует к П. Я. Чаадаеву и Н. Я. Данилевскому (в годы Крымской войны П. Я. Чаадаев записал в своём дневнике: «Воображают, что имеют дело с Францией, с Англией. Вздор. Мы имеем дело с цивилизацией... как с орудием, как верованием, с цивилизацией, применяемой, развиваемой, усовершенствованной тысячами трудами и усилиями», а Н. Я. Данилевский в «России и Европе» выразил настоящий страх по поводу возникновения антироссийской коалиции западных держав, признав, что на полях Крымской войны укрепляет свою политическую солидарность романо-германский культурно-исторический тип, потенциально враждебный славянской цивилизации с центром в Российской империи). Россия должна найти свой образ будущего, поскольку стремление присоединиться к Европе осознаётся её элитами как давление «внешнего пролетариата» на ядро цивилизации, и научиться испытывать к Западу «цивилизационное равнодушие»⁷.

Что касается второй части вопроса, отвечу так: единое – во многом. Стоит признать, что идейные истоки стратегической культуры нынешнего коллективного Запада начали вызревать ещё в 1920-х гг. в недрах Британского института международных исследований

⁷ Межуев Б.В. Возможно ли «цивилизационное равнодушие» России к «коллективному Западу»? // Эксперт. 2022. 27 июня. URL: <https://expert.ru/expert/2022/26/vozmozhno-li-tsivilizatsionnoye-ravnodushiye-rossii-k-kollektivnomu-zapadu/> (дата обращения: 01.08.2022).

(с 1926 г. и по настоящее время он называется Королевский институт международных исследований, RIIA, Chatham House). Позиция экспертов Chatham House достаточно чётко была представлена Арнольдом Тойнби, возглавлявшим этот институт в течение 30 лет (1925–1955 гг.): идея отмирания национальных государств и вытеснения их «рокфеллеровским» мировым правительством реализовалась в формировании единой Европы (в 1957 г. шестью европейскими государствами был подписан Римский договор и стало создаваться Европейское экономическое сообщество). Это и привело к унификации единой стратегической культуры под эгидой США и было зафиксировано в 2015 г. в аналитическом докладе «Российский вызов» (The Russian Challenge) в виде стратегических целей коллективного Запада, которому «необходимо разработать и реализовать чёткую и последовательную стратегию в отношении России... на общей трансатлантической и европейской оценке российских реалий», в частности:

- поиск способов убеждения российского режима и народа в том, что их национальный интерес в долгосрочной перспективе – «быть частью Европы, основанной на правилах, а не изолированным региональным гегемоном»;

- разъяснение позиции Запада в дискуссиях с Китаем и со всеми бывшими советскими республиками, у большинства которых есть основания для беспокойства по поводу актуальной политики России;

- не изолировать русский народ. Не в интересах Запада помогать отрезать его от внешнего мира⁸.

Вместе с тем следует обратить внимание на весьма трезвые оценки происходящего в самое последнее время, которые появляются в цифровом пространстве, в частности на интернет-ресурсе «Стратегическая культура» (Strategic Culture Foundation). Это публицистика, весьма резкая, но чётко выражающая национальные особенности стратегической культуры и умонастроений в ряде европейских стран. В качестве примера целесообразно отметить материалы журналиста и преподавателя одного из британских университетов Деклана Хейса (Declan Hayes) под названием «Кто управляет Европой?»⁹ и «Что теория игр может рассказать нам о войне на Украине»¹⁰. В последней из них Д. Хейс однозначно указывает на то, что «если на Украине наступит мир, это будет мир со справедливостью и достоинством

⁸ The Russian Challenge: Chatham House Report. June 2015. L., 2015. 58 p.

⁹ Hayes D. Who Rules Europe? // Strategic Culture Foundation. 2022. July, 23. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2022/07/23/who-rules-europe/> (дата обращения: 01.08.2022).

¹⁰ Hayes D. What Game Theory Can Tell us about the War in Ukraine // Strategic Culture Foundation. 2022. July, 31. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2022/07/31/what-game-theory-can-tell-us-about-war-in-ukraine/> (дата обращения: 01.08.2022).

для русскоязычного населения страны, независимо от мечтаний LA Times и других шарманщиков НАТО».

Другой британский журналист, корреспондент Daily Mail Мартин Джей (Martin Jay), в статье под не менее броским заголовком «Задержи дыхание. Европа находится на переломном этапе, поскольку пропасть ближе, чем мы думаем» призывает коллективный Запад «выйти из войны на Украине... Зеленский, как всегда, предоставит им идеальные оправдания, поскольку он никогда не терпит неудачу в своей главной роли *полезного идиота*, – это, конечно, если он переживёт попытки убийства со стороны своей собственной клики, которая хочет получить большой кусок пирога... Кто бы мог подумать, что потомки Муссолини уведут ЕС от пропасти, в которую он изо всех сил стремится броситься?»¹¹.

Вот такие призраки бродят по Европе...

А. Бартош: Стратегическая культура (*англ.* strategic culture) – понятие, введённое ещё в 1970-х гг. американским международником Джеком Снайдером для сравнения ядерных доктрин США и СССР. В предельно широком контексте оно обозначает целостную систему символов (т.е. способов аргументации, аналогий, метафор), которая формирует представления о роли и эффективности военной силы в межгосударственных отношениях, придавая им ауру очевидности¹².

Несомненно, вопрос о развитии стратегической культуры западных государств, по сути, необъятный. Высокий профессионализм Игоря Кефели позволил крупными штрихами обрисовать данную картину.

Если говорить лапидарно по части Евросоюза, то стоит отметить, что на попытки формирования его членами коалиционной стратегической культуры, находящей сегодня своё отражение прежде всего в деятельности блока НАТО, влияют следующие факторы:

- в то время как государства развивают стратегические культуры на основе исторического опыта, стратегическая культура коалиции государств должна отражать интересы союзников, что требует немалых компромиссов при формулировании её положений;

- стратегическая культура коалиции – это политический проект, в связи с чем его самобытность, стратегия обеспечения безопасности являются продуктом политической воли, а не исторического развития;

¹¹ Jay M. Hold Your Breath. Europe Is at a Tipping Point, As the Abyss Is Closer Than We Think // Strategic Culture Foundation. 2022. July, 28. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2022/07/28/hold-your-breath-europe-is-at-tipping-point-as-abyss-closer-than-we-think/> (дата обращения: 01.08.2022).

¹² Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations. September 1977 / RAND Corporation. Santa Monica, 2005. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).

– из различия национальных стратегических культур стран-союзниц вытекает разное отношение к применению военной силы. Ряд государств – членов коалиции выступает за сдержанность в международных делах, в то время как США и страны с имперской историей (Великобритания, Франция) видят в силовом вмешательстве законный способ защиты интересов. Отсюда и разное восприятие требований соблюдать международно признанные нормы и правила;

– основой любой коалиционной стратегической культуры является обязанность подчиняться коалиционной дисциплине.

Отмечу, что Европейский союз сделал первые шаги к формированию собственной коалиционной стратегической культуры в декабре 2003 г., когда официально утвердил общую Европейскую стратегию безопасности, что позволило говорить об этом событии как о зарождении европейской стратегической культуры. В данном документе отмечается: «Мы должны развивать стратегическую культуру, обеспечивающую раннее, оперативное и, в случае необходимости, активное вмешательство». Это позволит укреплять «институциональное доверие и процессы управления и развёртывания военной силы как часть принятого диапазона законных и эффективных инструментов политики». Таким образом, по мнению оптимистов, европейская стратегическая культура уже развивается через процесс социализации, однако временные рамки этого процесса остаются весьма неопределёнными. Заметно усложняет формирование стратегической культуры проведение специальной военной операции, которая радикально изменила международный ландшафт, нарушила хрупкую атмосферу доверия и единомыслия между союзниками.

Главные принципы европейского подхода к развитию стратегической культуры подчёркивают потребность в «экономических, политических и юридических, а также военных инструментах и тесном сотрудничестве между государствами и международными организациями в ряде областей». Для ситуации, требующей кризисного регулирования, в стратегии ЕС в общих чертах прописан постепенный и всесторонний процесс вмешательства: начиная с «укрепления институтов, системы безопасности и поощрения экономического и социального развития», «наделения мандатом гражданских миссий» до «строгих целенаправленных санкций» и, наконец, «при гарантии существующих условий безопасности и при необходимости кризисного регулирования, наделение мандатом сил быстрого реагирования и/или военной миссии по поддержанию мира». Процесс вмешательства будет, в частности, запущен в случае «фактического провала или угрозы провала государственных институтов», а также при необходимости реализации принципа «ответственности по защите».

Возможности использования силы Евросоюзом крайне ограничены, что в условиях нынешней специальной военной операции России предопределило встраивание руководства ЕС в фарватер политики США и НАТО.

Вывод: если стратегическая культура понимается только в отношении «жёсткой силы», тогда нет смысла говорить о стратегической культуре Евросоюза, поскольку вопросы применения «жёсткой силы» в концепциях ЕС находятся пока в зародыше. В то же время Европейский союз – это существенно больше, чем военная структура. В концептуальных документах ЕС понятие стратегической культуры находится в контексте целостного подхода, применимого в отношении всего набора инструментов, имеющихся в его распоряжении, включая политические, дипломатические, военные и гражданские, торговлю и работу по содействию развитию, для управления кризисными ситуациями и предотвращения конфликтов. Таким образом, Брюссель в своей внешней политике предусматривает весьма сбалансированное применение силовых и несиловых способов за счёт баланса «жёсткой» и «мягкой силы».

Конечно, важным показателем военно-силовой несостоятельности ЕС стала Версальская декларация, принятая 11 марта 2022 г. на внеочередном саммите ЕС во Франции. На фоне развернувшейся специальной операции России и вызванных ею в Европе и мире «тектонических сдвигов» в документе сделана попытка закрепить за Францией роль европейского лидера в эпоху пост-Меркель и одновременно поставить ЕС во главу угла в противостоянии с Россией в условиях некоей «новой реальности»¹³.

Однако чувства реальности авторам декларации как раз и не хватило.

Во-первых, объявляя стратегию «лобового» противостояния, в том числе военного, с Россией, закамуфлированную под собственную «самостоятельность» в вопросах обороны и безопасности, европейские лидеры упустили из виду ключевой фактор: потенциалом в военных вопросах Европа не обладает. Военно-технические возможности ЕС были продемонстрированы в ливийской операции 2011 г., которую англо-французские ВВС не смогли вести без поддержки американских самолётов, без дополнительных поставок боеприпасов и без данных американской орбитальной спутниковой группировки.

¹³ The Versailles declaration, 10 and 11 March 2022 // Council of the European Union. Official website. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/11/the-versailles-declaration-10-11-03-2022/>; A Strategic Compass for Security and Defence. Brussels, 21 March 2022 // Ibid. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf> (дата обращения: 01.08.2022).

Такая же картина наблюдается и в современном конфликте вокруг Украины.

Во-вторых, нет у населения европейских стран и соответствующего пассионарного порыва, без которого не совершается никакое историческое действие. Сегодня европейцы, как и американцы, «великодушно» уступили украинцам роль «пушечного мяса» в спровоцированной Западом войне чужими руками, взяв на себя финансирование, обучение и военно-техническое обеспечение.

В условиях кардинальной перестройки существующего мирового порядка, важным импульсом для которой стала в том числе специальная военная операция, раскола правящих элит Запада будет преждевременно говорить о созревших предпосылках создания полноценной коалиционной стратегической культуры ЕС.

«Проблемы национальной стратегии»: *В последнее время на уровне Евросоюза и национальными правительствами принят ряд нормативных актов в области информационной безопасности. Каковы особенности политики европейских стран, есть ли коренные отличия от американской линии? Какой опыт может Россия извлечь из этого?*

А. Бартош: Информационная политика ЕС формируется и развивается параллельно с интеграционными процессами в Европе, в соответствии с законодательством союза и законодательством стран-членов в контексте технологического прогресса. Её отличительными чертами являются надгосударственный характер и стремление соблюсти интересы всех сторон: ЕС, национальных государств и общества – как на уровне Европы, так и перед лицом информационной экспансии других стран.

Ключевые проблемы формирующегося европейского информационного пространства – национализация источников информации о деятельности ЕС, отсутствие адекватных европейских источников информации и общеевропейских СМИ, что в целом тормозит создание информационной структуры, отвечающей реалиям современности. Отдавая себе отчёт в необходимости сокращения информационного и коммуникационного разрыва между бюрократической структурой ЕС и гражданами союза, Брюссель стремится придерживаться следующих стратегий:

- 1) осуществление коммуникации на уровне Европы;
- 2) организация всеохватывающего диалога и дебатов на общеевропейские темы;
- 3) создание общеевропейской общественной сферы – формирование панъевропейского культурного пространства;
- 4) выстраивание партнёрской работы по урегулированию этого вопроса, привлечение всех заинтересованных организаций, институтов, партий к обсуждению и поиску решений проблемы;

5) установление обратной связи между гражданами и общественными институтами;

6) активное привлечение национальных СМИ к освещению деятельности ЕС за счёт снабжения медиа высококачественными новостями и материалами о текущих делах, путём осуществления более тесной кооперации всех институтов Евросоюза с вещателями, основания новых связей с региональными и локальными коммуникационными системами, активного использования новых технологий;

7) изучение общественного мнения по ключевым вопросам функционирования ЕС;

8) исследования институтов Евросоюза совместно со специалистами в области СМИ о наиболее выгодных путях производства панъевропейского, национального или локального продукта и в области адаптации информации к нуждам разных стран и социальных групп.

Следует отметить, что многие из указанных принципов вполне приложимы к российским реалиям. Разумное их внедрение у нас может содействовать формированию общероссийского информационного пространства, способного отражать как общегосударственные интересы, так и интересы регионов. Однако России, с учётом её истории и актуальной международной обстановки, необходима комплексная информационно-политическая стратегия, в основе которой будет лежать общенациональная идеология.

С начала активных дискуссий середины 1990-х гг. о становлении информационного общества в Европейском союзе непременно затрагивался вопрос о возникающих вызовах, рисках, опасностях и угрозах, что давало импульс к выработке соответствующих политико-правовых инструментов по противодействию им.

Сегодня развитие законодательства ЕС в сфере обеспечения информационной безопасности происходит в рамках единой системы правового регулирования европроекта (за исключением сферы общей внешней политики и политики безопасности).

С одной стороны, большинство стран, не обладающих мощными информационными ресурсами, склоняется к созданию международной договорно-правовой базы обеспечения безопасности в глобальном масштабе и к налаживанию взаимодействия в указанной области. С этой целью ведётся изучение вопроса о принятии нормативных документов по информационной безопасности в рамках ЮНЕСКО, что позволит придать контролю за глобальными сетями многополюсный характер, уменьшив тем самым влияние США в данной сфере.

С другой стороны, ряд европейских государств рассчитывает на более тесную кооперацию в рамках НАТО и Евросоюза при выявлении рисков внедрения новых технологий, разработке критериев,

методов и испытательных средств для оценки защищённости национальных коммуникационных систем, при выдаче разрешений на внедрение информационных систем в важные объекты и осуществлении специальных мер безопасности в правительственных и военных структурах.

Важную роль в сближении информационной политики Евросоюза и Североатлантического альянса призваны сыграть центры передового опыта НАТО – ЕС. К таковым относится прежде всего Центр по борьбе с гибридными угрозами, учреждённый в Хельсинки в 2017 г. Его создатели считают борьбу с гибридными угрозами приоритетной задачей, поскольку данный тип угроз стирает границу между войной и миром, сочетая военную агрессию с политическими, дипломатическими, экономическими, кибернетическими и дезинформационными мерами. Принятая блоком Стратегия НАТО по борьбе с гибридными угрозами предусматривает укрепление координации с Европейским союзом.

Упомянутый центр развивает межправительственное взаимодействие по всему спектру гибридных угроз. Разрабатывается совместное понимание понятий «гибридные угрозы» и «гибридные войны», готовится словарь-справочник. Выдвигается идея создания координационного комитета высокого уровня для подготовки соответствующих стратегий/контрстратегий и изучения уязвимостей.

Центр позиционируется в качестве своеобразного хаба – сетевого концентратора, призванного объединять и координировать деятельность по борьбе с гибридными угрозами на стратегическом уровне посредством исследований и обучения. Он развёртывает и многонациональные сети экспертов в области комплексной безопасности и служит платформой для сотрудничества между ЕС и НАТО в оценке уязвимости общества и повышения устойчивости. Серьёзное внимание отводится работе с парламентариями, СМИ, молодёжью.

Ключевое место в функционировании этой структуры принадлежит взаимодействию в обобщении данных о гибридных угрозах и создании стратегий гибридной войны совместно с сетью других структур НАТО, в том числе с Центром передового опыта в области стратегических коммуникаций (Рига). Работа европейских центров гибридных конфликтов и угроз тесно координируется с США, где формулируются базовые подходы к подготовке и ведению современных военных конфликтов.

На данном этапе для России представляет особый интерес активно продвигаемый ЕС так называемый принцип культурного исключения, предусматривающий создание защитных механизмов от проникновения чуждого культурного влияния. В основе данного

принципа лежит понимание того факта, что американский медиа-продукт занимает господствующее положение на европейском рынке. Это привело к тому, что ЕС для защиты собственного культурного отличия и продвижения местной продукции ищет и защищает то, что называется «культурным исключением». Такой подход позволяет странам ЕС не открываться полностью для иностранного медиа-продукта, сохраняя эфир для национальных программ и фильмов.

И. Кефели: На мой взгляд, этот вопрос достаточно общий. Отдельный его аспект касается нормативных актов в области информационной безопасности, которые в условиях стремительной цифровизации следует, очевидно, классифицировать, предварительно составив программу поиска документов и рекомендаций различных научных сообществ. В этом контексте европейцы следуют в ногу с американцами.

В качестве примера назову принципы работы с искусственным интеллектом (ИИ), принятые в ходе конференции в Асиломаре (Калифорния, США) в 2017 г. (Asilomar AI Principles). Приведу их полностью, чтобы было понятнее, каков масштаб проблем обеспечения информационной безопасности, связанных с ИИ.

«Область исследований

1) **Цель исследования:** цель исследований ИИ должна лежать в области создания не бесцельного разума, но систем, направленных на принесение пользы человечеству.

2) **Финансирование исследований:** инвестиции в ИИ должны сопровождаться субсидированием исследований, направленных на поиск полезных способов применения ИИ, в контексте которых рассматриваются непростые вопросы из области компьютерных наук, экономики, права, этики и социальных наук. Некоторые из таких вопросов:

– Как обеспечить надёжность будущего ИИ таким образом, чтобы системы выполняли свою программу, не подвергаясь угрозе сбоев и хакерских атак?

– Как повысить уровень благосостояния с помощью автоматизации процессов, не сократив при этом уровень человеческого труда и сохранив его назначение?

– Как, сделав правовую систему более эффективной и справедливой, модифицировать её в соответствии с развитием ИИ и учесть все правовые риски, связанные с его использованием?

– Какие ценностные ориентиры должны лежать в основе ИИ и каким правовым и моральным статусом он должен обладать?

3) **Диалог учёных и политических деятелей:** необходим конструктивный и здоровый диалог между исследователями ИИ и политическим руководством.

4) **Культура отношений в исследовательском сообществе:** среди исследователей и разработчиков систем ИИ должна поощряться культура взаимодействия, доверия и открытости.

5) **Отсутствие конкуренции:** команды разработчиков ИИ должны активно взаимодействовать друг с другом во избежание ненадлежащего исполнения стандартов безопасности.

Этика и ценности

6) **Безопасность:** системы ИИ должны быть безопасны и защищены на протяжении всего срока эксплуатации, а в ситуациях, где это целесообразно, штатная работа ИИ должна быть легко верифицируема.

7) **Открытость сбоев в системе:** если система ИИ причиняет вред, должна быть возможность выяснить причину.

8) **Открытость системы правосудия:** любое участие автономной системы ИИ в принятии судебного решения должно быть удовлетворительным образом обосновано и доступно для проверки компетентными органами.

9) **Ответственность:** разработчики и создатели продвинутых систем ИИ напрямую заинтересованы в моральной стороне последствий использования, злоупотребления и действий ИИ, и именно на их плечах лежит ответственность за формирование подобных последствий.

10) **Синхронизация ценностей:** системы ИИ с высокой степенью автономности должны быть разработаны таким образом, чтобы их цели и поведение были согласованы с человеческими ценностями на всём протяжении работы.

11) **Человеческие ценности:** устройство и функционирование систем ИИ должно быть согласовано с идеалами человеческого достоинства, прав, свобод и культурного разнообразия.

12) **Защита личных данных:** люди должны иметь право на доступ к персональным данным, их обработку и контроль при наличии у систем ИИ возможности анализа и использования этих данных.

13) **Свобода и конфиденциальность:** применение систем ИИ к персональным данным не должно безосновательно сокращать реальную или субъективно воспринимаемую свободу людей.

14) **Совместная выгода:** технологии ИИ должны приносить пользу максимально возможному числу людей.

15) **Совместное процветание:** экономические блага, созданные при помощи ИИ, должны получить широкое распространение ради принесения пользы всему человечеству.

16) **Контроль ИИ человеком:** люди должны определять процедуру и степень необходимости передачи системе ИИ функции принятия решений для выполнения целей, поставленных человеком.

17) **Устойчивость систем:** те, кто обладает влиянием, управляя продвинутыми системами ИИ, должны уважать и улучшать общественные процессы, от которых зависит здоровье социума, а не подрывать таковые.

18) **Гонка вооружений в области ИИ:** стоит избегать гонки вооружений в области автономного летального оружия.

Долгосрочная перспектива

19) **Опасность недооценки возможностей:** стоит избегать уверенных предположений относительно верхнего порога возможностей ИИ будущего, особенно в отсутствие консенсуса по этому вопросу.

20) **Важность:** продвинутый ИИ может повлечь коренные изменения в истории жизни на Земле, и его разработка и управление должны осуществляться при наличии соответствующих ресурсов и в условиях особой тщательности.

21) **Риски:** потенциальные риски, связанные с системами ИИ, особенно опасность катастроф или угроза существованию жизни в целом, должны купироваться действиями по планированию и смягчению рисков, соразмерными возможному масштабу воздействия.

22) **Рекурсивное автообучение:** системы ИИ, разработанные для улучшения эффективности собственных алгоритмов и самовоспроизведения, ведущего к быстрому изменению качества и количества, должны быть объектом применения мер жёсткого регулирования и контроля.

23) **Всеобщее благо:** сверхразум должен быть разработан исключительно в целях, соответствующих большинству этических идеалов и для пользы всего человечества, а не одного государства или организации»¹⁴.

Следует иметь в виду, что Asilomar AI Principles не имеют юридической силы, но являются результатом достижения консенсуса специалистов, против которого возражать уже непросто. На Асиломарской конференции 1975 г. участники установили принципы, определившие безопасность технологии рекомбинантной ДНК, что положило начало молекулярной биологии и биомедицинским исследованиям. Asilomar AI Principles составлены предельно обобщённо, но они зафиксировали довольно жёсткие границы фантазии и деятельности, связанные с обеспечением безопасности человечества в условиях форсированной цифровизации.

¹⁴ Принципы работы с ИИ, разработанные на Асиломарской конференции // Future of Life Institute. 2017. September. URL: <https://futureoflife.org/2017/09/13/ai-principles-russian/> (дата обращения: 01.08.2022).

«Проблемы национальной стратегии»: В свете данных вызовов и угроз присутствует ли необходимость обновления Доктрины информационной безопасности Российской Федерации от 2016 г.? Если да, то в какой её части? Какие новации в российском правовом поле уместны в целом в связи со стремлением Запада вытеснить нашу страну из международного информационного поля?

И. Кефели: По сути я сказал об этом, отвечая на предыдущий вопрос. Добавлю лишь то, что настало время обновления Доктрины информационной безопасности Российской Федерации от 2016 г., как это и предусмотрено, – обновление подобного рода документов каждые пять лет. Видимо, соответствующие структуры этим занимаются. Здесь, на мой взгляд, нужны бóльшая открытость (разумеется, в допустимых пределах) и привлечение представителей научной и политической общественности. Ещё на один момент я хотел бы обратить внимание в ходе подготовки новой редакции обсуждаемой Доктрины: знакомясь с работами западных авторов, невольно обращаешь внимание на то, что они открыто заявляют о сути *когнитивной войны*, направленной на противника (при этом нередко называют таковыми Россию и Китай), на основе «цивилизованного» подхода к конфликту, о чём речь шла выше. В фокусе внимания отечественных авторов на первый план выходят рассуждения о том, что есть *когнитивная безопасность*. При такой нашей, будем говорить, «правильности» следует более внимательно проследить всю аргументацию и риторику западных и не только авторов.

А. Бартош: Полностью согласен с высказанным И. Кефели мнением. Если говорить конкретно, то раздел III («Основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности») целесообразно дополнить анализом состояния и перспектив развития информационного противоборства с учётом изменений, связанных с процессами цифровизации. Следует развивать и использовать в новой редакции Доктрины основные факторы, обуславливающие усиление роли информационного противоборства в политическом процессе в условиях цифровой реальности, в том числе применение в политической практике мимикрирующих информационно-коммуникационных технологий; включение в процессы информационного противоборства новых, нередко нелегитимных политических акторов; усиление соперничества между ослабевающими и возвышающимися державами, в частности за создание новых инструментов информационной борьбы.

Для парирования стремления Запада вытеснить нашу страну из международного информационного поля важно уделить особое внимание использованию таких инструментов информационного

противоборства, как «Русский мир» и Россотрудничество, с кардинальным пересмотром их статуса, финансирования и кадровой политики.

«Проблемы национальной стратегии»: *В контексте формирования новых вызовов и угроз в отечественном экспертном сообществе всё чаще поднимается вопрос о целесообразности выработки государственной идеологии России. Это связано только с актуальной недружественной политикой стран Запада или проблема назрела давно?*

А. Бартош: В общем виде стремительная трансформация новых вызовов и угроз учитывается в стратегиях гибридной войны, технологиях управляемого хаоса и цветных революций. Такие стратегии против России, которыми руководствуются внутренние и внешние инициаторы разрушительных процессов, нацелены на слом геополитического кода государства как исторически сложившейся системы политических отношений с внешним миром, обеспечивающей определённый государственный статус на мировом, региональном и локальном уровнях.

Попытки Запада добиться переформатирования геополитического кода России требуют от учёных, экспертного и политического сообщества объединения усилий для выработки на системной основе государственной идеологии нашей страны. В контексте стремительных геополитических сдвигов эта потребность проявляется всё рельефнее. Россия многое заимствовала у других цивилизаций, переосмысливает чужие идеи, приспосабливает их к собственным реалиям, но в то же время сохраняет свой собственный «геополитический код».

Убеждён, что создание прочной основы для безопасности российского общества немислимо без чётко сформулированной национальной идеи. Как видится, в современной России доминирующей идеей, консолидирующей общество, может быть только идея патриотизма.

И. Кефели: Проблема выработки государственной идеологии России назрела уже давно, но только буквально в последние годы она стала обсуждаться, что говорится, в полный голос. Я сам уже сделал несколько публикаций на эту тему и полагаю, что в этой части следует предпринимать решительные шаги. Считаю, что упомянутую выше Стратегию национальной безопасности Российской Федерации нужно рассматривать как решительный шаг в этом направлении. Но тогда предстоит думать и решать, какие изменения необходимо внести в Конституцию. Россия, как великая держава, не может существовать и развиваться в будущем без государственной идеологии.

Список литературы

1. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
2. Межуев Б.В. Возможно ли «цивилизационное равнодушие» России к «коллективному Западу»? // Эксперт. 2022. 27 июня. URL: <https://expert.ru/expert/2022/26/vozmozhno-li-tsivilizatsionnoye-ravnodushiye-rossii-k-kollektivnomu-zapadu/> (дата обращения: 01.08.2022).
3. Принципы работы с ИИ, разработанные на Асиломарской конференции // Future of Life Institute. 2017. September. URL: <https://futureoflife.org/2017/09/13/ai-principles-russian/> (дата обращения: 01.08.2022).
4. A Strategic Compass for Security and Defence. Brussels, 21 March 2022 // Council of the European Union. Official website. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf> (дата обращения: 01.08.2022).
5. Digital Disorder: War and Peace in the Cyber Age // Foreign Affairs. 2022. Vol. 101. No. 1.
6. Du Cluzel F. Cognitive Warfare. June – November 2020 // Innovation Hub – Jan. 2021. 45 p.
7. Fall 2020 Cognitive Warfare. An Attack on Truth Thought. Baltimore: Johns Hopkins University, 2020. 45 p.
8. Hall E.T. Beyond Culture. N.Y.: Anchor Press, 1976. 256 p.
9. Hayes D. What Game Theory Can Tell us about the War in Ukraine // Strategic Culture Foundation. 2022. July, 31. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2022/07/31/what-game-theory-can-tell-us-about-war-in-ukraine/> (дата обращения: 01.08.2022).
10. Hayes D. Who Rules Europe? // Strategic Culture Foundation. 2022. July, 23. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2022/07/23/who-rules-europe/> (дата обращения: 01.08.2022).
11. Jay M. Hold Your Breath. Europe Is at a Tipping Point, As the Abyss Is Closer Than We Think // Strategic Culture Foundation. 2022. July, 28. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2022/07/28/hold-your-breath-europe-is-at-tipping-point-as-abyss-closer-than-we-think/> (дата обращения: 01.08.2022).
12. Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations. September 1977 / RAND Corporation. Santa Monica, 2005. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).
13. The Russian Challenge: Chatham House Report. June 2015. L., 2015. 58 p.
14. The Versailles declaration, 10 and 11 March 2022 // Council of the European Union. Official website. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/11/the-versailles-declaration-10-11-03-2022/> (дата обращения: 01.08.2022).